

«Новое» богатство русской аристократии
в период «индустриализма»
(1890–1914 гг.):
банковские счета, акции и другие ценные бумаги
в составе капиталов крупнейших землевладельцев
Российской империи

Евгений Е. Юдин

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, evgeny_yudin@mail.ru*

Аннотация. На основе изучения архивных материалов рассматривается проблема влияния формировавшейся системы «индустриализма» на экономическое положение крупнейших землевладельцев Российской империи в 1890–1914 гг. Как показывает анализ происхождения, состава и объема так называемых «бумажных» фондов в составе капиталов ряда богатейших семей русской аристократии, этот период стал временем активного перевода части их земельной собственности в акции, облигации и другие ценные бумаги различных государственных и коммерческих банков, а также акционерных компаний. Эта экономическая стратегия, характерная для большинства крупнейших землевладельцев, объяснялась вполне прагматическими причинами: выгодной рыночной конъюнктурой в сфере оборота ценных бумаг, наличием свободных денежных сумм за счет продажи части земельной собственности, значительными доходами от сельскохозяйственных имений и ипотечным кредитованием. Перевод части капиталов в акции и облигации давал аристократии возможность получать более гарантированные доходы без серьезных рисков, связанных с ведением сельского хозяйства или промышленного предпринимательства. В результате накануне 1914 г. различные ценные бумаги (акции, облигации государственных и коммерческих банков, промышленных обществ и железнодорожных компаний) в составе капиталов крупнейших землевладельцев Российской империи достигли 20–30 % общей стоимости их состояния, как и получаемые от них дивиденды в составе общих доходов. Как представляется, укрепление экономического положения аристократии

к этому времени объяснялось не только прогрессом в организации сельскохозяйственного производства в имениях, ростом доходов от лесного хозяйства и городской недвижимости, но и появлением этой новой формы богатства в виде банковских счетов и процентных бумаг.

Ключевые слова: русская аристократия, крупнейшие землевладельцы Российской империи, «бумажные» фонды, ценные бумаги, состав капиталов земельных собственников

Для цитирования: Юдин Е.Е. «Новое» богатство русской аристократии в период «индустриализма» (1890–1914 гг.): банковские счета, акции и другие ценные бумаги в составе капиталов крупнейших землевладельцев Российской империи // История и архивы. 2022. № 2. С. 12–29. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-2-12-29

The “new” wealth of the Russian aristocracy
during the period of “industrialism”
(1890–1914).
Bank accounts, shares and other securities
as part of the capital means
of the largest landowners of the Russian Empire

Evgeny E. Yudin

*Moscow State University of Education, Moscow,
Russia, evgeny_yudin@mail.ru*

Abstract. Based on the study of archival materials, the article considers an impact of the emerging system of «industrialism» on the economic well-being of the largest landowners of the Russian Empire in 1890–1914. As the analysis of the origin, composition and volume of the so-called «paper» funds in the capital means of some of the Russian aristocracy richest families shows, that period was a time of active conversion of some of their land holdings into the stocks, bonds and other securities of various state and commercial banks, as well as of joint-stock companies. That economic strategy, characteristic of most of the largest landowners, was explained by quite pragmatic reasons: favorable market conditions in the sphere of securities turnover, the availability of spare cash through the sale of part of land, significant revenues from the agricultural estates and mortgage lending. The conversion of part of the capital into the stocks and bonds provided the aristocracy with an opportunity to receive a more guaranteed income without serious risks associated with farming or industrial entrepreneurship. As a result, on the eve of 1914, various securities (the stocks and bonds of state and commercial banks, of industrial societies and railway companies) as part of the capital means of the largest landowners

of the Russian Empire reached 20–30% of the total value of their fortune, as well as the dividends received from them as part of the total income. It seems that the strengthening of the economic position of the aristocracy by that time was explained not only by the progress in the organization of agricultural production in the estates, the growth of income from forestry and the urban real estate, but also by the emergence of the new form of wealth as bank accounts and interest-bearing securities.

Keywords: Russian aristocracy, largest landowners of the Russian Empire, “paper” funds, securities, composition of the capital means of landowners

For citation: Yudin, E.E. (2022), “The ‘new’ wealth of the Russian aristocracy during the period of ‘industrialism’ (1890–1914). Bank accounts, shares and other securities as part of the capital means of the largest landowners of the Russian Empire”, *History and Archives*, no. 2, pp. 12–29, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-2-12-29

Введение

Формирование в России системы «индустриализма» в период 1890–1914 гг., сопровождавшееся поразительным ростом промышленной и банковской сфер, развитием транспортной инфраструктуры и бурным расширением городов, ставило сохранившийся класс землевладельческой аристократии в совершенно новые экономические и социальные условия. Крупнейшие земельные собственники Российской империи столкнулись с теми же вызовами, что и их собратья по классу в других европейских странах – прежде всего, в Англии, Германии и Австро-Венгрии (в более ранний период). Во-первых, утрачивалась их традиционная монополия на богатство. Огромные личные состояния теперь формировались в среде промышленников и финансистов недворянского происхождения. Во-вторых, возникали опасения, что даже огромные земельные владения сами по себе уже не могут быть гарантией благосостояния и устойчивого роста доходов. В этой ситуации перед аристократией возникало две возможных экономических стратегии – переход к самостоятельному предпринимательству и (или) перевод части своего капитала в банковские и промышленные фонды. Максимальное использование открывшихся возможностей в сфере финансовых операций с ценными бумагами, как представляется, был вполне логичным выбором. Процесс структурной трансформации капиталов богатейших аристократических семей Российской империи в 1890–1914 гг. стал важнейшим результатом этой экономической стратегии, предполагавшей активное инвестирование в банковско-промышленный сектор. Масштабы и последствия этого процесса, на наш взгляд, еще не в полной мере оценены в историографии.

*Земельные капиталы аристократии
и рост интереса к инвестированию
в дивидендные бумаги*

В исследованиях уже отмечалось, что стоимость земли в европейской России с 1861 по 1914 г. стремительно возрастала, и, как следствие, у многих аристократов появлялось искушение продать свои земельные владения частично или целиком, чтобы поместить полученные средства в облигации или долевого капитал. По уточненным данным американских исследователей П. Грегори и А. Кагана, стоимость сельскохозяйственных производственных фондов в Российской империи к 1914 г. равнялась 13 089 млн руб., промышленных – 6258 млн руб., железнодорожных – 6680 млн руб., фондов торговли – 4565 млн руб. [Россия 2002, с. 174]. При этом стоимость земель, находившихся в руках дворянства в 50 губерниях Европейской России, составляла (по данным на 1905 г.) 4040 млн руб., что на 60% превышало общую массу акционерных капиталов в стране [Дякин 1978, с. 12]. В период между 1862 и 1912 гг. дворянские земли повысились в цене на 443 %, сократившись при этом в размерах более чем наполовину [Ливен 2000, с. 121]. Средняя стоимость земли в европейской части России выросла с 13 руб. за дес. в 1858 г. до 163 руб. за дес. в 1914 г., т. е. на 615 %. В течение 35 пореформенных лет от продажи земель и выкупных операций дворянство получало ежегодно от 35,4 до 44,8 млн руб. К этому исследователи, как правило, добавляют суммы, полученные от залога земель. Только, например, Дворянский банк за 1886–1900 гг. выдал помещикам ссуд на 978,9 млн руб., приняв в залог 28,2 млн дес. Всего же к началу XX в. дворянство извлекло из своего «права на землю» более 2 млрд руб. [Корелин 1979, с. 59].

Таким образом, уже к концу пореформенного периода в руках землевладельческой аристократии сосредоточились свободные капиталы, которые могли быть инвестированы в неземельные фонды. Доходность акций и других подобного рода активов часто была выше поступлений от традиционных источников, связанных с сельскохозяйственным производством в имениях, и владение ценными бумагами не требовало практически никаких расходов. Для многих крупных помещиков стало общим правилом: начиная с 1860–1870-х гг. переводить часть доходов в акции банков, торгово-промышленных предприятий, страховых компаний, пароходных обществ, железных дорог, в закладные листы и свидетельства земельных банков, в облигации государственных банков и т. д. Вполне обоснованно исследователь С. Беккер подчеркивал факт, что вне зависимости от способов управления имением крупные землевладельцы в России расценивали как очень выгодные операции

не только получение ссуд под залог земли, но и перевод денежных средств на срочные банковские счета и их вложение в более доходные акции и облигации. По оценкам американского историка, из 3,5 млрд руб., полученных дворянством в России в период между 1863 и 1914 гг. от продажи земли и аренды ее крестьянами, около 2,5 млрд руб. были инвестированы, кроме собственных экономий, также и в «бумажные» фонды [Беккер 2004, с. 79–80]. Для сравнения: английская аристократия стала приобретать крупные пакеты акций начиная с 1860-х гг. [Thompson 1973, с. 307], а в 1880-е гг. для британских крупных землевладельцев увеличение своих доходов за счет игры на фондовых биржах стало уже общей практикой [Spring 1971, с. 53–61]. Во второй половине XIX в. титулованная знать на всем европейском континенте становилась одним из крупных акционеров капиталистических компаний. Этот процесс начался раньше всего в Великобритании и Швеции. По одной из оценок, в Англии около 40 % доходов крупных землевладельцев поступало из несельскохозяйственных источников уже в 1880–1890-х гг. [Wasson 2006, с. 48, 55].

Можно предполагать, что развитие экономики капиталистического типа, которое в России началось после 1861 г., предлагало российским землевладельцам сходную экономическую стратегию. В конце XVIII – первой половине XIX в. русское дворянство помещало, как правило, свои денежные накопления в государственные депозитарные учреждения, предпочитая надежный небольшой доход высоким оборотам и высокому риску у частных ростовщиков [Kahan 1985, с. 314]. Совершенно другие возможности открывались во второй половине XIX в., когда в России окончательно сложилась развитая банковская система и появились крупные акционерные компании в различных сферах промышленности. В результате же экономического подъема в России 1890-х гг. образовался довольно емкий рынок ценных бумаг. Сумма разного рода фондов, акций и облигаций к 1900 г. только по номинальной цене достигла более 5 млрд руб., увеличившись за последнее десятилетие почти в 1,5 раза. На бирже появилось достаточное количество различных бумажных ценностей, необходимое для ведения фондовых операций не только среди узкого круга профессиональных биржевиков, но и среди публики [Лизунов 2000, с. 266]. Кроме того, начиная с 1890-х гг. российские акционерные банки начали вносить свой вклад в расширение рынка капитала путем операций с ценными бумагами, приносящими дивиденды по онкольным счетам. Санкт-Петербургская биржа, хотя все еще играла второстепенную роль на европейском континенте по сравнению с Парижской биржей или даже Брюссельской, упрочила свое значение в качестве рынка российских ценных бумаг, особенно в 1908–1914 гг. [Crisp 1978, с. 154]. Подобные системные

изменения в российской экономике и сложившаяся выгодная конъюнктура в сфере операций с ценными бумагами создавали благоприятную ситуацию для владельцев крупных земельных капиталов.

Еще в начале 1970-х гг. в отечественной историографии отмечалось, что исследовать связь крупных помещиков с акционерным капиталом очень трудно, поскольку многие из них к началу XX в. были держателями акций компаний, не входя в состав их правлений. Материалы же по этому вопросу хранились в практически неисследованных личных архивных фондах [Минарик 1971, с. 32]. К настоящему времени этот вопрос несколько прояснился. Уже А.Н. Боханов, в частности, пришел к выводу, что, хотя подсчитать количество буржуа-рантье в начале XX в. и определить их сословную принадлежность практически невозможно, в этой группе капиталистов потомственные дворяне «занимали видное, если не основное, место» [Боханов 1992, с. 171]. В целом же, по мнению А.П. Корелина, к «крупнобуржуазным элементам», т. е. к крупным предпринимателям, финансистам, рантье, жившим на доходы с капиталов и недвижимого имущества (в Петербурге их насчитывалось свыше 51,1 тыс. чел.), в конце пореформенного периода можно было отнести 20–25 % всей численности дворянства в крупных российских городах [Корелин 1979, с. 123–125]. В.Я. Лаверычев полагал, что наиболее значительный удельный вес дворян-рантье был в Санкт-Петербурге. Так, в 1910 г. из 137 825 дворян, учтенных в столице империи, 67 557 жили за счет дохода с ценных бумаг [Лаверычев 1974, с. 51]. Можно предполагать, что с 1880-х гг. по 1914 г. доля лиц дворянского происхождения в двух российских столицах, проживающих за счет дивидендов от различных ценных бумаг, выросла уже до 40–50 %.

В течение 1860–1900-х гг. примерно две трети семей потомственного дворянства расстались со своей земельной собственностью, переехали в города и, по сути, пополнили ряды формирующегося среднего класса. Совсем не удивительно, что значительную часть своих доходов они получали от банковских вложений и ценных бумаг. При этом крупнейшими держателями государственных и прочих ценных бумаг, чья стоимость определялась внушительными суммами, уже в конце пореформенного времени оказались представители высшего чиновничества и аристократии. Многие из них действительно уже не обладали к этому времени земельной собственностью. Так, граф Н.В. Адлерберг, не имевший недвижимого имущества, в 1892 г. оставил процентных государственных бумаг на 626 114 руб. Большое состояние получили наследники бывшего шталмейстера императорского двора В.В. Апраксина. Стоимость его заповедного имения в кон. 1880-х гг. составила 218 750 руб., приобретенные земельные владения оценивались суммой около

33 тыс. руб., а ценные бумаги превышали 3,3 млн руб. [Лаверычев 1974, с. 73]. Из всего оставшегося после смерти в 1905 г. имущества князя С.Н. Трубецкого, оцененного в 583 тыс. руб., 568 тыс. руб. приходилось на дивидендные бумаги [Боханов 1992, с. 172]. К началу 1912 г. капитал Л.В. Нарышкина в 1 250 497 руб. целиком состоял из бумажных и денежных фондов, а дивиденды по ним составили 74 241 руб.¹ В своем завещании (февраль 1912 г.) князь Н.В. Гагарин на имя жены княгини Марины Николаевны Гагариной среди принадлежащего ему недвижимого и движимого имущества особо выделил денежные капиталы в наличных деньгах, процентные бумаги и акции². Графиня М.П. Толстая, жена командира императорской яхты «Полярная звезда», писала в своих воспоминаниях, что к ее мужу «часто обращались за финансовыми советами знакомые, и он замечательно разбирался в акциях, но на бирже не играл, находя, что для офицера это не годится». Толстая при этом отмечала, что ее «состояние он умножил во много раз, но все откладывал, чтобы дети выросли и имели достаточно»³. Граф Э.П. Беннигсен отмечал в своих мемуарах, что их семья получила крупный пакет акций по завещанию его деда барона фон Мекка, одного из крупных акционеров Волжско-Камского банка: «Акции эти бабушка распределила между всеми внуками, и эти акции вместе с купленными моими родителями составили что-то около 700 штук»⁴. Кстати, это позволило Беннигсену в 1909 г. впервые принять участие в Общем собрании акционеров Волжско-Камского банка. Все эти примеры наглядно показывают, что многие представители высших классов Российской империи к началу XX в. обладали крупными состояниями, не связанными с землевладением или служебными доходами. Различные ценные бумаги стали вполне привычным источником денежных поступлений или средством помещения капитала.

Стоимость и объем «бумажных» фондов во владении крупных землевладельцев

Обладателями самых больших пакетов ценных бумаг различных банков и промышленных компаний к началу XX в. стали представители богатейших семей русской аристократии, по-прежнему входившие к началу XX в. в число крупнейших землевладельцев Рос-

¹ РГАДА. Ф. 1272. Оп. 3. Ед. хр. 122. Л. 1–3.

² ОПИ ГИМ. Ф. 361. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 39–40.

³ Толстая М.Н., гр. Воспоминания // Русское возрождение. [Нью-Йорк, Париж] 1985. № 31. С. 144.

⁴ Беннигсен Э.П. Записки (1875–1917). М., 2018. С. 440.

сийской империи (около 100 в основном титулованных фамилий). Сосредоточенный в руках старинных фамилий, возглавлявших этот список, – Юсуповых, Шереметевых, Воронцовых-Дашковых, Орловых-Давыдовых, Строгановых, Бобринских, Долгоруковых, Волконских, Гагариных – этот новый вид капиталов уже оценивался в несколько миллионов руб. и мог составить конкуренцию в абсолютных цифрах состояниям молодой российской буржуазии.

Так, в 1900 г. у графа П.А. Зубова на хранении в банках было 2 млн руб. в виде ценных бумаг, в том числе на 1,1 млн руб. в Государственном банке, а остальные – в С.-Петербургском международном банке [Анфимов 1969, с. 286]. Согласно отчетам Главной конторы по управлению имениями князя М.С. Волконского и княгини Е.Г. Волконской, к 1 апреля 1897 г. их капитал в ценных бумагах оценивался в 442 тыс. руб. К этому следует прибавить капиталы и взрослых детей четы, полностью состоявшие из ценных бумаг на общую сумму 130 тыс. руб.⁵ К началу 1913 г. капитал графа И.И. Воронцова-Дашкова в процентных бумагах составлял 3 799 200 руб.⁶ В 1897 г. капитал графов Бобринских («смелянской» ветви), хранившийся в банках, составлял 2,8 млн руб., в том числе в Киевском отделении Государственного банка – 284,2 тыс. руб., в Житомирском отделении Государственного банка – 0,3 тыс. руб., в Киевском отделении Санкт-Петербургского международного банка – 247,2 тыс. руб., в Волжско-Камском банке – 394,7 тыс. руб., в Русском для внешней торговли банке – 323,8 тыс. руб., в Петербургском отделении С.-Петербургского международного банка – 95,2 тыс. руб., в Немецком банке – 0,5 тыс. руб. [Минарик 1971, с. 34]. В последующие годы были открыты счета также в Русско-Китайском банке и в *Crédit Lyonnais*⁷. Помимо банковских капиталов Бобринские, как и другие крупные землевладельцы, накануне 1914 г. держали в своих руках крупные пакеты акций и других ценных бумаг. Их общая стоимость составила 3 253 650 руб.⁸ В 1914 г. наличные средства на текущих счетах графа С.А. Строганова распределялись следующим образом: Азовско-Донской банк (682 145 руб.), Русский для внешней торговли банк (38 476 руб.), Русский торгово-промышленный банк (110 100 руб.), Волжско-Камский банк (12 301 руб.), Государственный банк (20 521 руб.). Крупнейшим деловым партнером Строгановых к этому времени стал Азовско-Донской банк [Лебедев 1998, с. 84]. К 1915 г. общая сумма на текущих банковских счетах графа С.А. Строганова оце-

⁵ ГАРФ. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 1747. Л. 1об.

⁶ НИОР РГБ. Ф. 58. Разд. 2. П. 106. Ед. хр. 1. Л. 79об.

⁷ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 6. Ед. хр. 742. Л. 1–25.

⁸ РГИА. Ф. 899. Оп. 1. Ед. хр. 386. Л. 20.

нивалась в 2 177 335 руб.⁹ С началом Первой мировой войны граф С.А. Строганов, уже давно проживавший на постоянной основе во Франции, начинает переводить часть своих капиталов в американские банки. Сохранились документы, которые указывают, в частности, что в июне 1916 г. графом С.А. Строгановым был открыт счет в National City Bank в Нью-Йорке на сумму 6 900 долларов. 23 февраля 1917 г. руководство банка сообщало графу, что его счет был кредитован на сумму 4 016 долларов¹⁰.

Как правило, перевод своих капиталов в ценные бумаги представители аристократических семей осуществляли за счет продажи части своих земельных владений и участия в прибыльных финансовых операциях. Так, например, второе по богатству среди князей Долгоруковых семейство Николая Дмитриевича (крупного земельного собственника и известного земского деятеля) и его жены Марии Павловны закладывало свои земли не сразу, а постепенно, сохранив к началу XX в. значительные незаложенные площади. За 1886–1914 гг. ими было заложено 20 527 дес., оцененных в 1366, 5 тыс. руб., и получено в качестве ссуды 834 700 руб. [Мельцин 2008, с. 123]. После смерти мужа в 1899 г., который лично занимался ведением хозяйства в своих обширных имениях, княгиня М.П. Долгорукова переехала на постоянное жительство в Москву и часть своих капиталов предпочла перевести в городскую недвижимость и ценные бумаги¹¹. В последующие годы доверенные лица М.П. Долгоруковой последовательно с помощью различных финансовых операций с землей и ценными бумагами увеличили ее капитал в виде доходов от акций и облигаций с 16,4 тыс. руб. в 1903 г. до 332,5 тыс. руб. к январю 1914 г.¹²

Графиня Александра Андреевна Олсуфьева (1846–1929), дочь украинского фарфорозаводчика А.М. Миклашевского, занимала высокие придворные должности обер-гофмейстерины великой княгини Елизаветы Федоровны (с 1892 г.) и статс-дамы императрицы Марии Федоровны (с 1910 г.). Она владела крупным имением в Черниговской губ. и городской недвижимостью в Москве, не считая больших земельных владений ее мужа – графа А.В. Олсуфьева. Документы из личного фонда Олсуфьевых показывают, что к началу XX в. эти типичные представители придворной аристократии составили себе уже значительное состояние, выраженное в крупных пакетах акций и облигаций. По данным на август 1901 г.

⁹ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Ед. хр. 678а. Л. 1.

¹⁰ Там же. Оп. 4. Ед. хр. 896. Л. 1, 7.

¹¹ Княгиня Мария Павловна Долгорукова: Биография. Мемуары. Дневники. М., 2020. С. 143–145.

¹² ГАРФ. Ф. 919. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–54об.

общая стоимость ценных бумаг (кредитные билеты различных банков и облигации) по биржевому курсу, принадлежавших графине Александре Андреевне Олсуфьевой, составляла 689 903 руб.: они равномерно распределялись между государственными ценными бумагами, акциями коммерческих банков, транспортных и страховых компаний¹³. В октябре 1913 г. по курсу Санкт-Петербургской и Парижской бирж стоимость ценных бумаг графини А.А. Олсуфьевой составляла уже 1 001 606 руб. При этом русские ценные бумаги оценивались в 456 199 руб., а иностранные – в 537 294 руб. Кроме того, на имя графини А.А. Олсуфьевой были открыты текущие счета в Московском купеческом банке, во Флорентийском банке и в Немецком государственном банке¹⁴.

«Бумажные» фонды в составе капиталов Юсуповых, Шереметевых и Орловых-Давыдовых

В архивных фондах Юсуповых, Шереметевых и Орловых-Давыдовых отложились практически полные отчеты по источникам приобретения ценных бумаг и их составу за период 1890–1914 гг. Эти фамилии обладали не только самой крупной земельной собственностью: в определенной степени их экономическое положение было образцовым с точки зрения увеличения общего капитала и доходности имений, несмотря на такие же высокие темпы роста задолженности государственным и коммерческим банкам. Инвестирование в различные ценные бумаги стало важнейшей составляющей их экономической стратегии. Наибольший интерес эти крупные земельные собственники проявили к закладным листам и свидетельствам земельных государственных и частных банков, к бумагам государственных займов, а также к акциям и другим ценным бумагам торгово-промышленных предприятий и железнодорожных компаний. При этом темпы их приобретения ускорились накануне 1914 г.

До начала 1890-х гг. князь Н.Б. Юсупов-младший (1827–1891) подавляющую часть своих денежных поступлений получал от сельскохозяйственных имений и городской недвижимости и крупных операций с ценными бумагами не вел. Его наследники – княгиня З.Н. Юсупова и князь Ф.Ф. Юсупов-старший граф Сумароков-Эльстон – изменили экономическую стратегию [Юдин 2006, с. 25–35]. Активные операции с ценными бумагами начались в первой половине 1890-х гг. При этом князь Ф.Ф. Юсупов-старший внимательно

¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 164. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 5–6.

¹⁴ Там же. Л. 65–65об.

следил за всеми совершавшимися операциями и лично отдавал распоряжения о покупке и продаже акций и ценных бумаг. Так, в феврале 1897 г. в предписании главноуправляющему своими имениями А.Ф. Мюллеру он распорядился о продаже ценных бумаг на петербургской бирже («бумаги сильно поднялись») и особо указывал, что «когда будет снова падение, не ждать... приказа и купить вдвое то же самое»¹⁵. В 1905 г. князь Ф.Ф. Юсупов-старший дал распоряжение Санкт-Петербургскому ссудному банку о продаже «257 Бакинских акций, 252 – Манташевских, 52 – Угольника Брянских, 35 – Гартмана, 150 – Общества Санкт-Петербургских металлических заводов, 16 – Русского банка»¹⁶. В 1901 г. в Государственном Дворянском банке и других российских банках только на текущих счетах Юсуповых находилось соответственно 41,1 тыс. и 31,7 тыс. руб.¹⁷ Юсуповы имели также текущие счета в иностранных банках – в гамбургских банковских домах «Беренс и сын» и «J. Kahn», в швейцарском банке «Вапр» в Нионе и др.¹⁸ В 1901 г. князь Ф.Ф. Юсупов-старший вошел в число акционеров Санкт-Петербургского международного банка [Лебедев 1998, с. 78–79]. В последующие годы в результате продажи и залога нескольких имений был образован большой капитал в виде акций и облигаций крупнейших государственных и коммерческих банков, промышленных и железнодорожных компаний [Минарик 1971, с. 32]. Уполномоченные владельцами лица вели крупную игру на бирже. Так, например, в 1914 г. были проданы все процентные бумаги Петербургского кредитного общества на сумму 983 тыс. руб. и куплены облигации 5%-го государственного займа 1906 г. на 1 млн руб. В 1915 г. были приобретены облигации государственных займов 1915 г. на сумму 1,6 млн руб., закладные четырех земельных банков (Херсонского, Бессарабско-Таврического, Полтавского и Ярославско-Костромского) на общую сумму 1 662,5 тыс. руб., а также акции Петроградского вагоностроительного завода на 100 тыс. руб., Бакинского нефтепромышленного общества на 11,4 тыс. руб. и акционерного общества механических и трубочных заводов П.В. Барановского. Всего было куплено акций на 3,4 млн руб. В том же 1915 г. было продано процентных бумаг на сумму 3769 тыс. руб. В следующем 1916 г. операции с ценными бумагами продолжились [Анфимов 1969, с. 286–287].

По данным на 1 января 1915 г. за княгиней З.Н. Юсуповой числились следующие ценные бумаги: 4%-е свидетельства государственной ренты (444 900 руб.), бумаги 5%-го займа 1905, 1906, 1908 гг.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 287. Л. 31.

¹⁶ Там же. Ед. хр. 405. Л. 21.

¹⁷ Там же. Д. 347. Л. 10, 71.

¹⁸ Там же. Ед. хр. 405. Л. 1–6.

(1 067 050 руб.), 5%-е залоговые листы Государственного Дворянского банка (341 400 руб.), 4%-е свидетельства консолидированного займа 1889 г. (10 375 руб.), 4%-е закладные листы Государственного Дворянского банка (6 тыс. руб.), 5%-е свидетельства Крестьянского поземельного банка (23 850 руб.), 4,5%-е облигации Московского городского кредитного общества (300 руб.), 4,5%-е залоговые листы Государственного Дворянского банка (2 342 600 руб.), 4,5%-е облигации С.-Петербургского городского кредитного общества (213 200 руб.), 5%-е бумаги выигрышного займа, а также акции Белгородско-Сумской железной дороги (3697 шт.), Мальцовских заводов (125 шт.), Петроградского международного коммерческого банка (300 шт.)¹⁹. Кроме того, в Учетном и ссудном банке в обеспечение счета *on call* находилось 300 акций Азовско-Донского банка. На хранении в кассе Главного управления лежали временные свидетельства акционерного общества «Эльбрус», 125 акций Южно-Русского общества для торговли домашними животными и продуктами животноводства, 3 акции Белгородско-Сумской железной дороги. Общая же стоимость всех этих ценных бумаг составляла 5 144 935 руб.²⁰ Учитывая, что общий капитал этой аристократической семьи оценивался к этому времени в 20 млн руб., на долю «бумажных» фондов приходилось таким образом почти 25 % его стоимости. В абсолютных цифрах доходы Юсуповых от ценных бумаг за 1912–1914 гг. выросли с 75 316 руб. до 192 907 руб. Последняя сумма соответствовала 13,5 % всех их денежных поступлений. Дивиденды от различных акций и облигаций промышленных компаний, коммерческих и государственных банков достигли в 1914 г. примерно половины доходов Юсуповых от их сельскохозяйственных и лесных имений (413 559 руб.)²¹.

Уже в 1894 г. у графа А.Д. Шереметева было ценных бумаг на 7578,7 тыс. руб., принесших доход в 353,6 тыс. руб. С 1902 по 1913 г. номинальная цена ценных бумаг возросла с 9432, 5 тыс. руб. до 19 335,3 тыс. руб., а доход от них с 400 тыс. руб. – до 944,3 тыс. руб. Большинство бумаг составляли свидетельства Крестьянского поземельного банка (6,2 млн руб.), закладные листы Дворянского земельного банка (1,2 млн руб.) и частных земельных банков. С ценными бумагами велась крупная игра: в 1913 г. было куплено их на 4123 тыс. руб. и продано на 4390 тыс. руб. [Анфимов 1969, с. 286]. По сравнению с доходами от земельной собственности денежные поступления от ценных бумаг стали основным источником доходов для графа А.Д. Шереметева. Очевидно, что уже начиная с 1870-х гг.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 1061. Л. 1.

²⁰ Там же. Ед. хр. 1081. Л. 17об. – 19.

²¹ Там же. Ед. хр. 297. Л. 54; Ед. хр. 1081. Л. 4–5.

значительная часть поступлений от продажи земель и ежегодных доходов от имений сразу же инвестировалась в ценные бумаги. В 1877 г. из его общего дохода в 718, 6 тыс. руб. поступления от ценных бумаг уже составляли немалую сумму – 256,3 тыс. руб., или 35,6 % [Станюкович 1927, с. 25]. Судя по бюджету за 1902 г. поступления от сельскохозяйственных имений графа А.Д. Шереметева (356 тыс. руб.) были примерно равны доходам от ценных бумаг (400 тыс. руб.). К 1913 г. первый вид дохода оставался почти таким же (401 тыс. руб.), а второй более чем удвоился (965 тыс. руб.) [Анфимов 1969, с. 304–305]. Дивиденды от ценных бумаг составили в этом году 62 % всех доходов графа А.Д. Шереметева, что представлялось исключительно высоким показателем в сравнении с другими крупнейшими землевладельцами Российской империи. Его старший сводный брат, граф С.Д. Шереметев, также обладал крупным капиталом в процентных бумагах, который к 1 января 1898 г. насчитывал 1 029 850 руб., а к 1 января 1901 г. – 1 129 650 руб.²² На его имя были открыты счета в крупнейших коммерческих банках, по которым осуществлялись крупные операции вплоть до 1917 г.²³

Уже в 1890-х гг. в руках графа А.В. Орлова-Давыдова сосредоточился крупный капитал в виде различных ценных бумаг. По распоряжению владельца значительная часть ежегодных денежных поступлений от сельскохозяйственных имений направлялась на покупку акций и облигаций. По данным на 1 января 1899 г. в кассе Главной конторы капитал в процентных бумагах, металлической и кредитной валюте насчитывал 3 822 743 руб. В течение 1899 г. было приобретено процентных бумаг на сумму 515 300 руб., а продано на 185 200 руб. В результате этих операций к 1 января 1900 г. капитал процентных бумаг и наличными составил 4 110 384 руб., т. е. увеличился на 209 232 руб. При этом, по мнению главноуправляющего имениями графа Орлова-Давыдова, на доходность неблагоприятным образом повлиял низкий курс процентных бумаг. В 1899 г. дивидендов по бумагам поступило «всего» 174 465 руб., т. е. 4,42 % от капитала²⁴. В целом же с 1898 по 1903 г. капитал графа А.В. Орлова-Давыдова в ценных бумагах и на банковских счетах вырос с 3,8 млн руб. до 5,2 млн руб. Учитывая, что все его состояние оценивалось в 16 млн руб., доля «бумажных фондов» в его составе к моменту его смерти в 1905 г. уже составляла более 30 %. К 1900 г. ему принадлежали, в частности, облигации внутренних государственных займов; акции таких крупных компаний, как Пароходное общество по Волге, Московско-Рязанская железная дорога,

²² Там же. Ф. 1287. Оп. 1. Ед. хр. 5923. Л. 20–21. Ед. хр. 5927. Л. 26об. – 27.

²³ Там же. Оп. 7. Ед. хр. 66. Л. 2.

²⁴ Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Ед. хр. 2592. Л. 1–2.

общество Тамбовско-Саратовской железной дороги, общество «Надежда», Российское общество страхования от огня, судостроительное общество Крейтона, Российское золотопромышленное общество, Российское горнопромышленное общество; 4 ½ закладные листы банков – Херсонского, Харьковского, Бессарабско-Таврического, Нижегородского, Самарского, Московского, Полтавского, Киевского, Донского, Крестьянского, Одесского; облигации Киевского городского кредитного общества²⁵.

После смерти в 1905 г. графа А.В. Орлова-Давыдова его обширные земельные владения, городская недвижимость и прочие капиталы были разделены между тремя сыновьями. Однако экономическая стратегия его наследников не поменялась. К 1 января 1912 г. капитал в ценных бумагах графа А.А. Орлова-Давыдова оценивался в 2 800 180 руб. (российские бумаги на сумму 1 806 743 руб.; иностранные бумаги на сумму 1 107 630 франков [415 361 руб.], 916 900 марок [424 524 руб.] и 16 206 фунтов [153 551 руб.])²⁶. Среди иностранных ценных бумаг числились 4¼%-е облигации Швейцарского банка, Восточных железных дорог, 4%-е облигации займа г. Базеля за 1900, 1901, 1906 гг. и г. Цюриха за 1901 г.; 4%-е свидетельства Венгерской золотой ренты; 3½%-е облигации Федеральных железных дорог; акции Лионского кредита; акции Городского казино; 5%-е облигации Китайского займа 1902 г.; 4%-е облигации Баварской железной дороги; акции Берлинского общества торговли; акции Соединенно-Гаванской железной дороги, Мексиканских железных дорог, Чилийских и Боливийских железных дорог; 5%-е облигации Бразильского штата Сан-Паулу. Таким образом, только один из сыновей графа А.В. Орлова-Давыдова в начале 1910-х гг. имел в ценных бумагах примерно такую же сумму, сколько и его отец в 1890-е гг.

Заключение

Можно констатировать, что сложившаяся и даже достигшая зрелости к 1914 г. система «индустриализма» в экономике Российской империи значительно видоизменила состав капиталов крупнейших землевладельцев. В период 1880–1914 гг. представители этого социального класса стремительно и в больших объемах увеличили свое состояние, переведенное в так называемые «бумажные» фонды. Интерес русской аристократии к ценным бумагам появился еще в 1860–1870-е гг. с развитием банковской системы капиталисти-

²⁵ Там же. Л. 10.

²⁶ Там же. Ед. хр. 2605. Л. 2–202.

ческого типа и началом акционирования крупной промышленности. В последующий период 1880–1900-х гг. эта тенденция только усилилась, достигнув максимума накануне 1914 г. К этому времени различные ценные бумаги (акции, облигации государственных и коммерческих банков, промышленных обществ и железнодорожных компаний) в составе капиталов крупнейших землевладельцев достигли 20–30 % общей стоимости, как и получаемые от них дивиденды в составе общих доходов. При этом в 1890–1914 гг. на 10–20 % сократилась площадь земельных владений в руках этой группы собственников. Очевидно, что полученные от продажных операций с землей средства не только направлялись в непродуцируемую сферу или в развитие крупных сельскохозяйственных экономий, но и в значительной мере были обращены в процентные бумаги. Этот вид капиталов не требовал таких постоянных затрат, как сельскохозяйственные имения, и не предполагал больших рисков. В то же время нельзя сказать, что доходность ценных бумаг, как правило в размере 5–6 % годовых, была значительно выше, чем доходность крупных экономий, но она при этом не испытывала постоянных колебаний и в целом гарантировала постоянный размер дивидендов. В течение периода 1880–1914 гг. несколько семей русской аристократии потратили в абсолютных цифрах несколько десятков миллионов руб. на покупку акций и других ценных бумаг. Таким образом, крупные земельные собственники стали важнейшими инвесторами российской промышленности и коммерческих банков. Их представители активно участвовали в биржевых операциях и в других сделках с этими ценными бумагами. Определенную часть своих капиталов русская аристократия перевела на текущие счета иностранных банков и вложила в ценные бумаги зарубежных компаний. Однако это объяснялось не стремлением спасти свое имущество в преддверии грядущей социальной катастрофы, а вполне практическими соображениями. Помимо коммерческой выгоды для многих русских аристократических семей, значительную часть времени проводивших за границей, обращение к европейским банкам объяснялось и другими практическими соображениями.

Литература

- Анфимов 1969 – *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России: конец XIX – начало XX в. М.: Наука, 1969. 389 с.
- Беккер 2004 – *Беккер С.* Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М.: Новое литературное обозрение. 2004. 344 с.

- Боханов 1992 – *Боханов А.Н.* Крупная буржуазия России: конец XIX в. – 1914 г. М.: Наука. 1992. 260 с.
- Дякин 1978 – *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л.: Наука. 1978. 244 с.
- Корелин 1979 – *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России: 1861–1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. М.: Наука. 1979. 304 с.
- Лаверычев 1974 – *Лаверычев В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России: 1861–1900. М.: Мысль. 1974. 252 с.
- Лебедев 1998 – *Лебедев С.К.* Аристократическое лицо С.-Петербургского международного коммерческого банка: от Строгановых до Бернардаки // Россия в XIX–XX вв.: Сборник статей к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина. СПб., 1998. С. 77–90.
- Ливен 2000 – *Ливен Д.* Аристократия в Европе: 1815–1914. СПб.: Академический проект, 2000. 364 с.
- Лизунов 2000 – *Лизунов П.В.* Биржевой ажиотаж в России в конце XIX – начале XX в. // Английская набережная, 4: Ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов, 2000 г. СПб., 2000. Вып. 2. С. 241–268.
- Мельцин 2008 – *Мельцин М.О.* Источники по дворянскому землевладению в конце XVIII – начале XX в. применительно к имущественному положению князей Долгоруковых // Российское дворянство: (XII – начало XX в.): актуальные проблемы исторического исследования. СПб., 2008. С. 111–130.
- Минарик 1971 – *Минарик Л.П.* Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в. М.: Советская Россия, 1971. 143 с.
- Россия 2002 – Россия в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2002. 744 с.
- Станюкович 1927 – *Станюкович В.* Бюджет Шереметевых: (1798–1910). М., Северный печатник, 1927. 25 с.
- Юдин 2006 – *Юдин Е.Е.* Российская модернизация и аристократия: состояние семьи Юсуповых в начале XX в. // Новый исторический вестник. 2006. № 1 (14). С. 25–35.
- Crisp 1978 – *Crisp O.* Studies in the Russian economy before 1914. L.; Basingstoke: The Macmillan press, 1978. 278 p.
- Kahan 1985 – *Kahan A.* The plow, the hammer and the knout. An economic history of eighteenth-century Russia. Chicago: The University of Chicago Press, 1985. 399 p.
- Spring 1971 – *Spring D.* English landowners and nineteenth century industrialism // Land and industry, the landed estate and the industrial revolution. L., 1971. P. 16–62.
- Thompson 1973 – *Thompson F.M.L.* English landed society in the nineteenth century. L.: Routledge & Kegan Paul; Toronto: University of Toronto press, 1963. 374 p.
- Wasson 2006 – *Wasson E.* Aristocracy and the modern world. N.Y.: Palgrave, 2006. 296 p.

References

- Anfimov, A.M. (1969), *Krupnoye pomeshchich'ye khozyajstvo Yevropeyskoy Rossii: konets XIX – nachalo XX v.* [Large landlord economy of European Russia. The end of the 19th – beginning of the 20th century], Nauka, Moscow, Russia.
- Bekker, S. (2004), *Mif o russkom dvoryanstve: Dvoryanstvo i privilegii poslednego perioda imperatorskoy Rossii* [The myth of the Russian nobility. Nobility and privileges in the Last Period of Imperial Russia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Bokhanov, A.N. (1992), *Krupnaya burzhuziya Rossii: konets XIX–1914 g.* [The big bourgeoisie of Russia. The end of the 19th century – 1914], Nauka, Moscow, Russia.
- Dyakin, V.S. (1978), *Samoderzhavie, burzhuziya i dvoryanstvo v 1907–1911 gg.* [Autocracy, bourgeoisie and nobility in 1907–1911], Nauka, Leningrad, Russia.
- Korelin, A.P. (1979), *Dvoryanstvo v poreformennoy Rossii: 1861–1904 gg.: Sostav, chislennost', korporativnaya organizatsiya* [The nobility in post-reform Russia. 1861–1904. Composition, numerical strength, corporate organization], Nauka, Moscow, Russia.
- Laverychev, V.Ya. (1974), *Krupnaya burzhuziya v poreformennoy Rossii: 1861–1900* [The big bourgeoisie in post-reform Russia: 1861–1900], Mysl', Moscow, Russia.
- Lebedev, S.K. (1998), “The aristocratic face of the St. Petersburg International Commercial Bank. From the Stroganovs to the Bernardakis”, *Rossiya v XIX–XX vv.: Sbornik statej k 70-letiyu so dnya rozhdeniya Rafaila Sholomovicha Ganelina*, [Russia in the 19th – 20th centuries. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of the birth of Rafail Sholomovich Ganelin], Saint Petersburg, Russia, pp. 77–90.
- Liven, D. (2000), *Aristokratiya v Evrope: 1815–1914* [Aristocracy in Europe: 1815–1914], Akademicheskii proekt, Saint Petersburg, Russia.
- Lizunov, P.V. (2000), “Stock market hype in Russia at the end of the 19th – early 20th century”, in *Anglijskaya naberezhnaya, 4. Ezhegodnik S.-Peterburgskogo nauchnogo obshchestva istorikov i arkhivistov* [English Embankment, 4. Yearbook of the St. Petersburg Scientific Society of Historians and Archivists. 2000], Saint Petersburg, Russia, vol. 2, pp. 241–268.
- Mel'tsin, M.O. (2008), “Sources on noble land ownership in the late 18th – early 20th century in relation to the property status of the Princes Dolgorukov”, in *Rossijskoe dvoryanstvo (XII – nachalo XX veka): aktual'nye problemy istoricheskogo issledovaniya*, [Russian nobility (12th – early 20th century). Relevant issues of historical research], Saint Petersburg, Russia, pp. 111–130.
- Minarik, L.P. (1971), *Ekonomicheskaya kharakteristika krupnejshikh zemel'nykh sobstvennikov Rossii kontsa XIX – nachala XX v.* [Economic characteristics of the largest land owners of Russia in the late 19th – early 20th century], Sovetskaya Rossiya, Moscow, Russia.
- Rossiya v nachale XX veka [Russia at the beginning of the twentieth century] (2002), Novyi khronograf, Moscow, Russia.
- Stanyukovich, V. (1927), *Byudzhety Sheremetevykh (1798–1910)* [The Sheremetevs' budget (1798–1910)], Severnyi pechatnik, Moscow, Russia.

- Yudin, E.E. (2006), "Russian modernization and aristocracy. The wealth of the Yusupov family in the early twentieth century", *New Historical Bulletin*, vol. 14, no. 1, pp. 25–35.
- Crisp, O. (1978), *Studies in the Russian economy before 1914*, Basingstoke: The Macmillan press, London, UK.
- Kahan, A. (1985), *The plow, the hammer and the knout. An economic history of eighteenth-century Russia*, The University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Spring, D. (1971), English landowners and nineteenth century industrialism, in *Land and industry, the landed estate and the industrial revolution*, London, UK.
- Thompson, F.M.L. (1963), *English landed society in the nineteenth century*, Routledge & Kegan Paul, London, UK, University of Toronto press, Toronto, Canada.
- Wasson, E. (2006), *Aristocracy and the modern world*, Palgrave, New York, USA.

Информация об авторе

Евгений Е. Юдин, кандидат исторических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1; evgeny_yudin@mail.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8825-7358>

Information about the author

Evgeny E. Yudin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 1, Malaya Pirogovskaya St., Moscow, Russia, 119991; evgeny_yudin@mail.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8825-7358>